

Торайғыров университетінің
ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛЫ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Торайғыров университета

**ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ**

Филологиялық серия
1997 жылдан бастап шығады

**ВЕСТНИК
ТОРАЙҒЫРОВ
УНИВЕРСИТЕТА**

Филологическая серия
Издается с 1997 года

ISSN 2710-3528

№ 4 (2025)

Павлодар

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ТОРАЙГЫРОВ УНИВЕРСИТЕТА**

Филологическая серия

выходит 4 раза в год

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О постановке на переучет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания

№ KZ30VPY00029268

выдано

Министерством информации и общественного развития
Республики Казахстан

Тематическая направленность

публикация материалов в области филологии

Подписной индекс – 76132

<https://doi.org/10.48081/XXBV9378>

Бас редакторы – главный редактор

Жусупов Н. К.

д.ф.н., профессор

Заместитель главного редактора

Анесова А. Ж., *доктор PhD*

Ответственный секретарь

Уайханова М. А., *доктор PhD*

Редакция алқасы – Редакционная коллегия

Дементьев В. В., *д.ф.н., профессор (Российская Федерация)*

Еспенбетов А. С., *д.ф.н., профессор*

Трушев А. К., *д.ф.н., профессор*

Маслова В. А., *д.ф.н., профессор (Белоруссия)*

Пименова М. В., *д.ф.н., профессор (Российская Федерация)*

Баратова М. Н., *д.ф.н., профессор*

Аймухамбет Ж. А., *д.ф.н., профессор*

Шапауов Ә. Қ., *к.ф.н., профессор*

Шокубаева З. Ж., *технический редактор*

За достоверность материалов и рекламы ответственность несут авторы и рекламодатели

Редакция оставляет за собой право на отклонение материалов

При использовании материалов журнала ссылка на «Вестник Торайгыров университета» обязательна

<https://doi.org/10.48081/GNNZ6897>

***А. Т. Аблаева**

Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, г. Симферополь.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1244-5555>
*e-mail: azizeablaeva@mail.ru

КРЫМСКОТАРСКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «ЗЕЛЁНЫЙ ШАТЁР»

Тема «наказанных» народов, находившаяся под запретом в период господства советской цензуры, поднималась в произведениях, написанных в стол или распространяемых самиздатом. При этом тема депортации крымских татар, которые эмигрировали в местах высылки более пятидесяти лет, практически не затрагивалась писателями. Исключением является творчество Л. Е. Улицкой, в котором тема судьбы крымскотатарского народа оказывается сквозной. В представленной статье ставится и в первом приближении решается проблема изображения крымскотатарского мира в постсоветской литературе. Авторская позиция в художественном осмыслении темы крымских татар направлена на восстановление как древних, так и современных страниц их истории, развенчание мифа о народе-предателе и борьбу с забвением.

Автор акцентирует внимание не только на нарушении целостности крымскотатарского мира, который вписывается в природный и исторический контекст, но и на восстановлении утраченных связей. В романе «Зелёный шатёр» крымскотатарская тема, с одной стороны, тесно связана с диссидентством и мотивом «имаго», а с другой – с образом «зелёного шатра», который символизирует всеобщее единство и примирение перед лицом Вечности. Крымскотатарский сюжет в этом произведении вливается в повествование о судьбе поколения, о времени, о соотношении сиюминутного и вечного.

Ключевые слова: постсоветская литература, крымскотатарская тема, диалог культур, «мысль семейная», современная русская проза, романы, творчество Л. Улицкой, тема «наказанных» народов.

Введение

Постсоветская литература берёт своё начало во второй половине 1980-х годов. Но, как известно, в эпоху гласности значительную часть литературного процесса составили произведения, написанные задолго до этого времени. Вместе с возвращением ранее запрещённой литературы происходило и открытие новых тем, которые прежде цензура не пропускала. Одной из них являлась судьба «наказанных» народов. Эта тема стала предметом творческой рефлексии писателей, начиная с середины 1950-х годов, однако уже в 1960–1980-е годы на неё вновь был наложен запрет. Она поднималась в произведениях, написанных «в стол» либо распространяемых самиздатом. В постсоветский период, когда писатели получили, наконец, возможность говорить об этой трагедии открыто, основное внимание первоначально было привлечено к депортации кавказских народов в 1944 году. Тема насилиственной высылки крымских татар, которые находились в местах депортации без права возвращения на Родину почти полвека, оставалась практически неосвещённой. Из числа современных авторов выделим имя Людмилы Евгеньевны Улицкой, в чём творчестве интересующая нас тема является сквозной.

Материалы и методы

Творчество Л. Улицкой представляет собой одну из ярких страниц современной русской прозы. Оно неизменно привлекает к себе внимание критиков и литературоведов. Однако интересующий нас аспект, связанный с крымскотатарской тематикой её произведений, пока ещё не являлся объектом изучения. Единственная статья, в которой затрагивается данная тема, – «Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» (гендерный аспект)» принадлежит волгоградской исследовательнице С. Ю. Воробьёвой [1]. Но, как следует из её названия, основное внимание автор уделяет гендерному аспекту анализа первого романа писательницы.

Жизнь Л. Улицкой тесно связана с Крымом. В письме профессору А. Эмировой от 12 июня 2014 года она призналась: «Я Крым знаю и люблю, одна бабушкина сестра жила в Феодосии, а вторая вообще в Старом Крыму, после войны, когда там ни одного татарина в помине не было, одно только полуразрушенное кладбище». Закономерно, что крымская, в том числе и крымскотатарская, проблематика заняла важное место в творчестве писательницы.

Таким образом, целью данной статьи является изучение в аспекте диалога культур различных путей и особенностей изображения крымскотатарского мира в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр».

В представленной статье продемонстрированы разные формы и способы художественной презентации крымскотатарского мира в названном романе, чем определяется её научная новизна.

Результаты и обсуждение

«Зелёный шатёр» состоит из отдельных рассказов – историй жизни различных персонажей, которые перетекают одна в другую. Сама Л. Улицкая объяснила такую структуру романа своей любовью писать рассказы, а не романы. Жанровая специфика этого произведения стала предметом обсуждения литераторов и критиков. Так, уже в первых критических откликах были сделаны попытки определить составляющие жанрового синтеза, который представляет собой «Зелёный шатёр». Например, Дмитрий Бавильский называет «Зелёный шатёр» романом-пунктиром, в котором роман воспитания переплетается с романом карьеры и травелогом, отмечает присутствие в нём черт романа идей, «романа с ключом» с мелодраматическими узелками. Другой критик Татьяна Григорьева в своей рецензии обозначает жанр книги как публицистическую беллетристику. Майя Кучкерская, литературный критик и обозреватель газеты «Ведомости», считает, что это исторический роман. Такого же мнения придерживается и Татьяна Фролова, которая в своей статье «Шатёр с табличкой «выход» называет это произведение Л. Улицкой даже историческим романом в квадрате. Литератороведы в отличие от критиков подходят к определению жанрового своеобразия с более традиционных позиций. Так, А. Т. Джииева и О. Ю. Осмухина в статье «Жанровая трансформация семейного романа в современной отечественной прозе» относят это произведение к жанру семейной саги. Исследователи говорят о тенденции к эпическому обобщению, о переосмыслинии традиций лирической эпопеи [2], видят в произведении «заявку на создание эпического полотна» (А. Сычева). Единого мнения о жанровой специфике романа Л. Улицкой «Зелёный шатер» не сложилось. Очевидно одно – перед нами вновь, как в первом крупном произведении писательницы, синтез разных романтических форм: романа воспитания, семейного и исторического романов. В «Зелёном шатре» все главы объединяются сквозными героями, через судьбы которых показана судьба поколения, и сквозными мотивами, через которые на метафорическом уровне выражена авторская позиция. В центре произведения – история трёх друзей детства, родившихся в середине 1940-х годов: Михея (Михи), Ильи и Сани. Это вымышленные герои, которых автор наделила чертами знакомых ей людей. «Главные герои созданы из подручного материала и опыта моей собственной

жизни. Из опыта других людей, с которыми я была дружна в те годы. Некоторые истории очень близки к подлинным, другие придуманы» [3]. Главной сюжетной ситуацией становится ситуация столкновения героев с властью, требующая от них совершения нравственного и политического выбора. Ключевым мотивом романа является «имаго». Именно так Л. Улицкая хотела назвать свой роман: «Я уже рукопись написала на слово «имаго», отдала её в издательство, и выяснилось, что нет ни одного человека, который бы знал, что это такое» [3]. Этот биологический термин обозначает невзросłość современного человека. Об этом же свидетельствует и пастернаковский эпиграф: «Не утешайтесь неправотою времени. Его нравственная неправота не делает еще нас правыми, его бесчеловечности недостаточно, чтобы, не соглашаясь с ним, тем уже и быть человеком». По наблюдению критика Е. С. Риц, «при тоталитарной власти люди живут вечными несмысленшами при мудром «Отце народов», но это не единственная причина. Другая – общество потребления. Людмила Улицкая наглядно показывает, что общество потребления вполне создалось и в Советском Союзе, только было оно нищее, жалкое, извращенное: вещи, которые приходится «доставать» становятся центром мира» [4]. Одни герои в стадии «имаго» становятся жертвами времени и погибают, другие – сливаются со временем, совершая предательство. Исследователи И. М. Попова и М. М. Глазкова главным героем романа «Зелёный шатёр» считают Время. В создании образа Времени значимы не только вымышленные персонажи, но и реальные личности. В романе представлены такие знаковые фигуры эпохи 1950–1990-х годов, как Андрей Сахаров, Наталья Горбаневская, Юрий Даниэль, Андрей Синявский, Иосиф Бродский. Кто-то из них был активным участником диссидентского движения, кто-то не был диссидентом по своим взглядам, тем не менее все они проявили непокорность власти, выразили своё нежелание жить по навязываемым им правилам. Причем, по справедливому замечанию Н. Лейдермана и М. Липовецкого, борьба с деспотизмом для автора и его героев «вненациональна» (см. [5]). Это особенно ярко проявляется в сюжетной линии Михи Меламида. «Эмоциональный, честный до нелепости», он выделяется из круга своих друзей. Примечателен эпизод, когда Илья в сердцах признает неспособность людей их поколения к совершению выбора, предполагающего внутреннюю свободу и ответственность за принятное решение, то есть взросłość: «Глупости романтические у тебя в голове. Зачем выбор? Какой выбор? Детский сад какой-то. Нет никакого выбора – утром встаешь, зубы чистишь, чай пьешь, книгу читаешь, стихи свои пишешь, деньги зарабатываешь, с друзьями трепещешься – где там выбор ты делаешь?» [6, с. 470]. Миха же пытался разорвать этот круг, он не хотел плыть по течению и самоотверженно бросался

на защиту обиженных. Неудивительно, что крымскотатарский сюжет связан именно с ним. Во время путешествия по Крыму в Бахчисарае он с друзьями случайно познакомился с семьёй Мустафы Усманова, Героя Советского Союза, капитана, участника национального движения за возвращение крымских татар на родину. По словам Л. Улицкой, в основу этого эпизода легла реальная встреча писательницы с крымскотатарской семьей в 80-х годах прошлого века в Бахчисарае, о которой она рассказала в указанном выше письме профессору А. Эмировой: «Их не хотели прописывать в гостинице, а у отца семейства вся грудь была в орденах. Было чувство ужасного стыда и личного позора, когда их из гостиницы выставили». Это же чувство ужасной несправедливости испытал и Миха, когда стал свидетелем подобной сцены в гостинице: *«Татары, приехавшие из Средней Азии, узнавались по узбекской тюбетейке мужчины, женскомуолосатому платку, по скуластым лицам, по толстым серебряным браслетам с рыжими сердоликами на тонких запястьях девочки, по напряженности, написанной на лицах. Мужчина вынул из внутреннего кармана пиджака два паспорта и положил перед служащей»* [6, с. 464]. Эти татары сразу стали для ребят «своими» (*«ребята окружили кольцом «своих» татар»* (выделено нами, – А. А.) [6, с. 465]). Так крымскотатарский сюжет вливается в повествование о судьбе поколения, о времени, о соотношении сиюминутного и вечного. В этом смысле показателен эпизод ночной трапезы на древнем татарском кладбище, куда Мустафа Усманов после инцидента в гостинице привел свою семью и своих новых знакомых. Это было единственное место, где они могли переночевать. Несмотря на ночь, на близкое соседство смерти, *«руины небольшого мавзолея были скорее уютны, чем опасны»* [6, с. 465]. Древнее татарское кладбище представлено у Л. Улицкой как родной дом, гостеприимно принявший не только «своих», но и «чужих». Так вновь, как и в романе «Медея и её дети», актуализируется мотив единения, «душевного согласия» разных народов, вопреки разрушительной силе вражды и разобщения, навязываемых властью. К тому же кладбище – это пространство памяти, которое связывает живых и мертвых, прошлое и настоящее. По признанию исследователей, культура кладбища – это культура циркуляции памяти, сопротивления забвению [7]. По определению П. В. Федорова, в смысловых пределах кладбищенского хронотопа «физическое» время обретает новое значение: оно замедляет ход и останавливается, превращаясь в вечность» [8, с. 17]. Этот момент превращения «физического» времени в вечность, восстановления разорванных связей и передаёт Л. Улицкая в этой ночной сцене: *«Ушла луна, быстро соскользнув к краю неба, и после часа полной успокоительной темноты засветился розовой полосой восток, и Мустафа сказал: – Сколько лет я вспоминал этот рассвет. Мальчишкой я*

пас здесь скот, тысячу раз смотрел на те горы, всегда ждал первого солнечного луча. Он иногда как выстреливал. Думал, что никогда уже не увижу этого» [6, с. 465]. Утром он остался искать на древнем кладбище Эски-Юрт могилу своего деда, а его новые знакомые отправились в Чуфут-Кале. Так, память, основываясь на вере и чувстве, соперничает с забвением, борется с обезличиванием. Пророчески звучит фраза, произнесенная Мустафой Усмановым, когда он вернулся из Крыма, откуда привез по старинному обычаю, горсть камней (иногда привозят горсть земли): *«Наши камни пришли к нам, а потом и мы придем к нашим камням»* [6, с. 466]. Встреча с семьёй Мустафы стала для Михи рубежной. Чужие беды он воспринимал как свои собственные, поэтому в тексте происходит трансформация понятий «своё» и «чужое»: в его московскую квартиру «зачастили молодые татары. Приезжали с петициями, с протестами, с просьбами и требованиями. Ночевали на полу, на надувном матрасе... Миха принимал к сердцу чужие татарские заботы ближе, чем еврейские хлопоты о депатриации в Израиль, еврейское изгнание длилось две тысячи лет, слишком уж давняя история, а татарская была такая свежая, дома и колодцы в Крыму еще не все были разрушены, татары еще помнили советских солдат, их выселявших, и соседей, занимавших их дома. Миха втянулся в чужое дело со своей всегдашней отзывчивостью. Помогал составлять письма, распространять поддерживать связи. Несколько раз ездил по поручению татарских друзей в Крым, собирая вместе с новым приятелем Равилем сборник воспоминаний о выселении 44-го года...» (выделено нами, – А. А.) [6, с. 468–469]. О национальных проблемах, о вымирающих малых народах, об их насильтвенной ассимиляции он вместе с товарищем писал в самиздатском журнале «Гамаюн», один из номеров было задумано полностью посвятить крымским татарам. К этому номеру Миха сделал перевод фрагментов из поэмы крымскотатарского поэта Эшрефа Шемы-заде: *«Татары сделали Михе подстрочник, он перевел отрывки из полупогибшей поэмы. Они были писаны живой кровью, и Миха извелся, пока кой-как перевел: То не собака воет страшным голосом в московской ледяной ночи, То вождь кремлевский, крови алчущий, Несытый, воет и рычит...»* [6, с. 467–468]. В романе Л. Улицкой впервые в русской литературе приводятся конкретные факты, отражающие масштаб трагедии депортации крымских татар. Писательница делает это за счёт включения в текст, казалось бы, фиктивного документа – записки, полученной Михой от своих татарских друзей, но информация, содержащаяся в ней, абсолютно подлинная. На основе огромной работы – опроса спецпереселенцев и их потомков в Средней Азии, были получены реальные цифры (противоречащие официальным данным), которые Миха собирался включить в демографическую

заметку о выселенных во время войны крымских татар: «На листочке мелким каллиграфическим почерком, под красной шапкой «ТАТАРЫ», было написано:

1783 г. – около 4 млн. чел – татарское население Крыма на момент присоединения Крыма к России.

1917 г. – татарское население составляло 120 тыс. чел.

1941 г. – татарское население Крыма – 560 тыс. чел.

1941–1942 гг. – мобилизовано 137 тыс. мужчин, из них погибло 57 тыс.

1944 г. – 420 тыс. чел (200 тыс. детей) – гражданское население.

1944 г. 18–20 мая – в депортации принимало участие 32 тыс. войск НКВД.

1944 г. 18 мая – выслано в Среднюю Азию 200 тыс. (официальная цифра).

1945 г. – погибло 187 тыс. спецпереселенцев (по официальным данным, 80 тыс.).

1956 г. – с татар Средней Азии снят режим спецпереселения, но возвращение в Крым запрещено.

Внизу приписка синими чернилами: *Рыжий! Обрати внимание, все официальные цифры (о высылке, напр.) занижены, по нашим данным, погибло около 42 % спецпереселенцев в первые полтора года. У них все занижено. Равиль готовит тебе сводку с 1945 по 1968 год. Муса* [6, с. 465].

Возвращение изгнанников на родину было очень долгим и мучительным. Через историю семьи Мустафы Усманова Л. Улицкая показывает, какую цену пришлось заплатить за это. Однажды к Михе приехала дочь Мустафы Айше, уже не девочка, а молодая женщина, мать, и рассказала о горе, обрушившемся на их семью: «*Отца посадили. Адвокат хороший, велел в Москву ехать. Сказал, что надо академика Сахарова искать, чтобы он письмо написал. Адвокат сказал: надо, чтобы иностранцы шум поднимали, по радио или как там. Чтоб в Америке! Скорее надо, потому что у отца осколок в груди, если двинется, то умрёт.*» [6, с. 468]. Благодаря Михе встреча Айше с академиком Сахаровым всё же состоялась. Л. Улицкая позволяет читателю увидеть происходящее глазами гостей, поэтому эпизод посещения квартиры академика строится на противоречии ожидаемого и увиденного. Приём отстранения позволяет в новом свете представить и фигуру Сахарова, и бытовой уклад его семьи. Масса конкретных деталей, психологических нюансов привносят в этот в целом драматичный эпизод элементы комического: «*У Айше даже возникла мысль, что их кто-то разыграл: худой невидный человек в старом свитере, совершенно не похожий на академика, принимал их, сидя на кровати в маленькой, страшно захламлённой комнате. Айше так сильно заикалась, что Михе пришлось самому рассказать всю историю Мустафы, начиная с их знакомства в гостинице города Бахчисарая. Айше тронула дешевую чашку в горошек и*

произнесла то, что ее больше всего занимало в последние полчаса: – Андрей Дмитриевич, я и представить себе не могла, как же скромно живут академики. Миха покраснел от возмущения: вот дурица провинциальная! Пожилая дама в очках засмеялась: – Деточка! Скромно живут только те академики, которые пишут письма в защиту высланных татар» [6, с. 470].

Айше вышла, очень довольная тем, что Михе удалось организовать это важное свидание, окрылённая надеждой. Однако вмешательство Сахарова не помогло: Мустафа умер в следственном изоляторе в Ташкенте. В скором времени погибает и сам Миха. Ему не простили неповиновения, того, что, несмотря на подписанное им согласие не заниматься диссидентской деятельностью, он продолжал помогать татарам, устроил не только встречу Айше с Сахаровым, но и позволил ей в своей квартире дать интервью иностранному корреспонденту.

В конце концов, загнанный в угол, Миха покончил жизнь самоубийством. Вместе с его уходом завершается и крымскотатарский сюжет романа. Но финал этой истории не только трагичен: реакция на его смерть ещё раз продемонстрировала торжество духовной солидарности людей разных наций и вероисповеданий: «*С неверующим поэтом прощались его верующие друзья – кто как умел. В Ташкенте его почтили татары, отслужили заупокойную службу по мусульманскому обряду. В Иерусалиме единоверцы Марлена заказали кадиши, и десять евреев прочитали на иврите непонятные слова, а в Москве Тамара, Олина подруга, заказала панихиду в Преображенском храме, где служил вольнодумный священник, осмелившийся отпевать самоубийцу*» [6, с. 475]. Такое завершение сюжетной линии Михи позволяет утверждать, что крымскотатарская тема связана в романе не только с темой диссидентского движения и не только с мотивом «имаго», но и с другим ключевым мотивом романа, метафорически воплощённым в образе «зелёного шатра». Примечательно, что в заглавие произведения, главными героями которого являются диссиденты, Л. Улицкая вынесла не образ, выражающий идею протеста, а метафорический образ, выражающий идею примирения и единения всех, живых и мертвых, перед лицом вечности.

Выводы

В произведениях Л. Улицкой, ставших частью литературного процесса постсоветского времени, авторская позиция в художественном осмысливании крымскотатарской темы определяется стремлением восстановить страницы как древней, так и новой истории крымских татар, развеять миф о народе-предателе, противостоять беспамятству. Размышления о судьбе крымскотатарского народа становятся сквозной темой её творчества. Автор делает сюжетообразующим не только мотив нарушения целостности крымскотатарского мира, включенного в природный и исторический контекст,

но и мотив восстановления разорванных связей. В романе «Зелёный шатёр» крымскотатарская тема, с одной стороны, неразрывно связана с темой диссиdenства, с мотивом «имаго», а с другой стороны – с мотивом «зелёного шатра», символизирующим всеобщее единение и примирение перед лицом Вечности.

Список использованных источников

- 1 **Воробьева, С. Ю.** Женские и мужские образы в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» (гендерный аспект) [Текст] / С. Ю. Воробьёва // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – № 12. – 2013. – С. 56–62.
- 2 **Джиоева, А. Т.** Жанровая трансформация семейного романа в современной отечественной прозе [Текст] [Электронный ресурс] / А. Т. Джиоева, О. Ю. Осмухина // Жанр. Стиль. Образ: актуальные вопросы теории и истории литературы : межвузовский сборник статей. – Киров, 2013. – Режим доступа : <http://elibrary.ru/item.asp?id=23799529>.
- 3 **Гостева, А.** Личинки, дети личинок. Интервью с Людмилой Улицкой [Электронный ресурс] / А. Гостева // Газета.ru. – 2010. – Режим доступа : http://www.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml.
- 4 **Риц, Е. С.** Между двумя Иосифами / Е. С. Риц // Booknik. – 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://booknik.ru/today/fiction/mejdu-iosifom-i- iosifom/>.
- 5 **Лейдерман, Н. Л.** Современная русская литература: 1950–90-е годы : в 2-х т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М., 2003. – Т. 2. – 530 с.
- 6 Улицкая Л. Е. Зелёный шатер / Л. Е. Улицкая. – М. : ЭКСМО, 2011. – 592 с.
- 7 **Леонтьев, Э. П.** Город мертвых в творчестве И. Бунина: попытка осмыслиения символического значения образа кладбища / Э. П. Леонтьев // Культура и текст. – 2005. – № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-mertvyh-v-tvorchestve-i-bunina-popytka-osmysleniya-simvolicheskogo-znacheniya-obraza-kladbischa>.
- 8 **Федоров, П. В.** Кладбище как многозначный социокультурный феномен: общие подходы к изучению (на примере Кольского Севера) / П. В. Федоров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://cultmemory.ru/full_libr_Федоров%20Кладбище.pdf.
- 9 Цифры свидетельствуют. По материалам самопереписи крымскотатарского народа (1966, 1971, 1973–1974 гг.). Исторические документы / сост. З. Бекирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2012. – 320 с.

10 **Желобцова, С. Ф., Барашкова, С. Н.** Особенности повествовательной структуры новой прозы Людмилы Улицкой [Текст] / С. Ф. Желобцова, С. Н. Барашкова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. – № 3 (83). – 2021. – С. 67–73.

11 **Костычева, Л. М.** Речевое моделирование символа в романах «Медея и её дети» и «Зелёный шатёр» / Л. М. Костычева, Т. А. Бычкова, В.Н. Музуров // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2014. – № 5. – С. 120–128. – [Электронный ресурс] – Режим доступа : URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/296267>.

12 **Кумбашева, Ю. А.** Композиционные особенности романов Л. Улицкой / Ю. А. Кумбашева // Международный научно-исследовательский журнал. – № 5(95). – 2020. – С. 22–25.

13 **Латыпова, Е. Э., Абдуллина, А. Ш.** Материнство в ценностной системе романа Л. Улицкой «Медея и её дети» [Текст] / Е. Э. Латыпова, А. Ш. Абдуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10 (76). – 2017. – С. 33–35.

References

1 **Bekirova, Z.** Cifry svidetel'stvyuyut. Po materialam samoperepisi krymskotatarskogo naroda (1966, 1971, 1973–1974 gg.). Istoricheskie dokumenty [The numbers testify. Based on the materials of the self-census of the Crimean Tatar people (1966, 1971, 1973–1974). Historical documents]. – Simferopol' : Krymchpedgiz, 2012. – 320 p.

2 **Dzhioeva, A. T., Osmuhina, O. Yu.** Zhanrovaya transformaciya semejnogo romana v sovremennoj otechestvennoj proze [Genre transformation of the family novel in modern Russian prose] // Zhanr. Stil. Obraz: aktualnye voprosy teorii i istorii literatury : international collection of articles. – Kirov, 2013. – URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23799529>.

3 **Fedorov, P. V.** Kladbischche kak mnogoznachnyj sociokul'turnyj fenomen: obshchie podhody k izucheniyu (na primere Kol'skogo Severa) [Cemetery as a polysemantic sociocultural phenomenon: general approaches to study (using the example of the Kola North)] / P. V. Fedorov. – [Electronic resource]. – Access mode: http://cultmemory.ru/full_libr_Fedorov%20Kladbischche.pdf.

4 **Gosteva, A.** Lichinki, deti lichinok. Interv'yu s Lyudmiloj Ul'ickoj [Larvae, children of larvae] / A. Gosteva // Gazeta.ru. – 2010. – [Electronic resource]. – Access mode : http://www.gazeta.ru/culture/2010/12/21/a_3472805.shtml.

5 **Kostycheva, L. M., Bychkova, T. A., Muzurov, V. N.** Rechevoe modelirovaniye simvola v romanah «Medeya i eyo deti» i «Zelyonyj shatyor» [Speech modeling of the symbol in the novels «Medea and her children» and «The Green Tent»] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanities Series.

– 2014. – № 5. – Р. 120–128. – [Electronic resource]. – URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/296267>.

6 **Kumbasheva, Yu. A.** Kompozicionnye osobennosti romanov L. Ulickoj [Compositional features of L. Ulitskaya's novels] / Yu. A. Kumbasheva // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – № 5 (95). – 2020. – P. 22–25.

7 **Lejderman, N. L., Lipoveckij, M. N.** Sovremennaya russkaya literatura: 1950–90-e gody : v 2-h t. [Modern russian literature]. – M., 2003. – T. 2. – 530 p.

8 **Leont'ev E. P.** Gorod mertyvh v tvorchestve I. Bunina: popytka osmysleniya simvolicheskogo znacheniya obraza kladbischcha [The City of the Dead in the Works of I. Bunin: An Attempt to Understand the Symbolic Meaning of the Image of a Cemetery] / E. P. Leont'ev // Kul'tura i tekst. – 2005. – № 8. [Electronic resource]. – Access mode : <http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-mertyvh-v-tvorchestve-i-bunina-popytka-osmysleniya-simvolicheskogo-znacheniya-obraza-kladbischcha>.

9 **Novoselova, T. A.** Koncepciya sudby v romane L. Ulickoj «Medeya i ee deti» [The concept of fate in L. Ulitskaya's novel «Medea and Her Children»] author's abstract dis... candidate of philological sciences: 10.01.01 / N. A. Novoselova. – Mahachkala, 2012. – 21 p.

10 **Ric, E. S.** Mezhdu dvumya Iosifami [Between two Josephs] / E. S. Ric // Booknik. – 2011. – [Elektronnyj resurs]. – Access mode : <http://booknik.ru/today/fiction/mejdu-iosifom-i-iosifom/>.

11 **Ulickaya, L. E.** Zelyonyj shater [Green tent] / L. E. Ulickaya. – M. : EKSMO, 2011. – 592 p.

12 **Vorobeva, S. Yu.** Zhenskie i muzhskie obrazy v romane L. Ulickoj «Medeya i eyo deti» (gendernyj aspekt) [Female and male images in the novel by L. Ulitskaya «Medea and her children» (gender aspect)] / S. Yu. Vorobyova // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie, Zhurnalistika. – № 12. – 2013. – P. 56–62.

13 **Zhelobcova, S. F., Barashkova, S. N.** Osobennosti povestvovatelnoj struktury novoj prozy Lyudmily Ulickoj [Features of the narrative structure of the new prose of Lyudmila Ulitskaya] / S. F. Zhelobcova, S. N. Barashkova // Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Amosova. – № 3(83). – 2021. – P. 67–73.

Поступило в редакцию 28.04.25.

Поступило с исправлениями 13.07.25.

Принято в печать 25.11.25.

*А. Т. Аблаева

Вернадский атындағы Қырым
федералды университеті,
Ресей Федерациясы, Симферополь қ.
28.04.25 ж. баспаға түсті.
13.07.25 ж. түзетулерімен түсті.
25.11.25 ж. басып шығаруға қабылданды.

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯНЫҢ «ЖАСЫЛ ШАТЫР» РОМАНЫНДА ҚЫРЫМ ТАТАР ТАҚЫРЫБЫ

Кеңестік цензура кезінде тыйым салынған «жазаланған» халықтар тақырыбы үстел тарптасына жазылған немесе самиздат арқылы таралатын шығармаларда көтерілді. Дегенмен, елу жылдан астам уақыт бойы жер аударылған жерлерде тұрған Қырым татарларының депортациясы тақырыбы жазашылар тарапынан іс жүзінде қозғалмады. Қырым татар халықының тағдыры қайталаңатын тақырып болып табылатын Л. Е. Улицкаяның шығармашылығы ерекшелік болып табылады. Бұл мақалада посткеңестік әдебиетте қырым татар әлемін бейнелеу мәселеі көтеріліп, шамамен қарастырылады. Қырым татарларының тарихының көне және қазіргі беттерін қалтына келтіруге, сатың халық туралы мифті жақықта шыгаруга және ұмытылумен куресуге олардың тақырыбын коркем түсінудегі автордың ұстанымы бағытталған.

Автор табиги-тарихи контексте сай келетін қырым татар дүниесінің тұмастығын бұзуга ғана емес, жосалған байланыстарды қалтына келтіруге де назар аударады. «Жасыл шатыр» романында қырым татар тақырыбы, бір жағынан диссиденттен және «имаго» мотивімен тығыз байланысты болса, екінші жағынан Мәңгілік алдындағы жалтыр адамзаттың бірлік пен келісімді бейнелейтін «жасыл шатыр» бейнесімен тығыз байланысты. Бұл шығармадағы қырым татарларының сюжеті ұрпақ тағдыры, уақыт туралы, бір сәттік пен мәңгілік арасындағы қарым-қатынас туралы әңгімеге үласады.

Кілтті сөздер: посткеңестік әдебиет, қырым татар тақырыбы, мәдениеттер диалогы, «отбасылық ой», қазіргі орыс прозасы, романдар, Л. Улицкая шығармалары, «жазаланған» халықтар тақырыбы.

*A. T. Ablaeva

Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky,
Russian Federation, Simferopol.

Received 28.04.25.

Received in revised form 13.07.25.

Accepted for publication 25.11.25.

CRIMEAN TATAR THEME IN THE NOVEL BY LYUDMILA ULITSKAYA «THE GREEN TENT»

The theme of «punished» peoples, which was prohibited during the reign of Soviet censorship, was raised in works written «for the drawer» or distributed by samizdat. At the same time, the topic of the deportation of Crimean Tatars who lived in places of exile for more than fifty years was practically not touched upon by the writers. The exception is the work of L. E. Ulitskaya, in which the theme of the fate of the Crimean Tatar people turns out to be cross-cutting one. In the presented article, the problem of the image of the Crimean Tatar world in post-Soviet literature is posed and solved in the first approximation. Thus, the subject of study is the artistic representation of the Crimean Tatar world in the writer's prose. The author's position in the artistic understanding of the theme of the Crimean Tatars is aimed at restoring both ancient and modern pages of their history, debunking the myth of a traitorous people and fighting oblivion.

The author focuses not only on the violation of the Crimean Tatar world, which is recorded in a natural and historical context, but also on the restoration of lost connections. In the novel «The Green Tent» the Crimean Tatar theme, on the one hand, is closely connected with dissidence and the motif of «imago», and on the other – with the image of the «green tent», which symbolizes universal unity and reconciliation in the face of Eternity. The Crimean Tatar plot in this work flows into the narrative about the fate of a generation, about time, about the relationship between the momentary and the eternal.

Keywords: post-Soviet literature, Crimean Tatar theme, dialogue of cultures, «family thought», modern Russian prose, novels, creativity of L. Ulitskaya, theme of «punished» peoples.

Теруге 25.11.2025 ж. жіберілді. Басуға 26.12.2025 ж. қол қойылды.

Электронды баспа

5,64 МБ RAM

Шартты баспа табағы 37,98. Тарапалымы 300 дана.

Бағасы келісім бойынша.

Компьютерде беттеген: А. К. Темиргалинова

Корректорлар: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Тапсырыс № 4484

Сдано в набор 25.11.2025 г. Подписано в печать 26.12.2025 г.

Электронное издание

5,64 МБ RAM

Усл. печ. л. 37,98. Тираж 300 экз. Цена договорная.

Компьютерная верстка: А. К. Темиргалинова

Корректоры: А. Р. Омарова, Д. А. Кожас

Заказ № 4484

«Toraighyrov University» баспасынан басылып шығарылған

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов қ., 64, 137 каб.

«Toraighyrov University» баспасы

Торайғыров университеті

140008, Павлодар қ., Ломов қ., 64, 137 каб.

67-36-69

e-mail: kereku@tou.edu.kz

www.vestnik.tou.edu.kz